

ПРОВОДНИК С МЕДНОЙ КРОВЬЮ. ЧЕЛОВЕК-ГРОМОТВОД

Васильева Ирина.

18+

Ирина Васильева

**Проводник с медной кровью.
Человек-громоотвод**

«Автор»

2026

Васильева И.

Проводник с медной кровью. Человек-громоотвод /
И. Васильева — «Автор», 2026

Илья Пронин — талантливый самоучка-изобретатель из глухой деревни Выселки. Построив на холме систему громоотводов, Илья пытается обмануть физику смерти, заземлив небесный огонь через собственное тело. Каждый удар молнии калечит его плоть, но приближает к цели — созданию идеального проводника для души сестры. После прямого попадания, которое должно было стать фатальным, Илья выживает, но навсегда меняет свой статус в глазах односельчан: из чудака-ученого он превращается в местного блаженного, юродивого нового времени. Это история о том, как невыносимая боль потери трансформируется в искусство плетения корзин, а попытка подчинить себе стихию сменяется тихим служением людям. Книга предлагает светлый катарсис: вместо того чтобы ловить призраков прошлого, герой выбирает остаться среди живых, принимая свое уродство как плату за спасенные жизни других.

© Васильева И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Накопление грозы.	5
Глава 1. Свинцовое небо.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Проводник с медной кровью. Человек-громоотвод

Часть I. Накопление грозы.

Глава 1. Свинцовое небо.

Село Выселки не любило суеты. Оно раскинулось в низине между двумя пологими холмами, словно прячась от больших дорог и ветров перемен. Здесь время измерялось не ударами курантов, а протяжным мычанием коровы Матвеевны по утрам, скрипом колодезного ворота да гулом комбайнов за околлицей во время страды. Дома стояли основательно, на века: из толстых бревен, потемневших от дождей, с резными наличниками, которые каждое лето бабы заново красили то суриком, то яркой небесной лазурью.

Но сейчас, в конце мая, когда первая летняя зелень уже набрала сок, но еще не успела покрыться дорожной пылью, над Выселками нависло тяжелое, свинцовое небо. Тучи ползли низко, цепляясь рыхлыми животами за верхушки старых тополей. Воздух стал плотным, вязким, его можно было резать ножом — так густо он пах озоном, мокрой землей и сладковатым ароматом цветущей рябины. Природа замерла в тревожном ожидании. Даже собаки перестали брехать друг на друга через заборы, свернувшись калачиками под крыльцами.

В крайней избе, чей палисадник совсем зарос диким шиповником, жила семья Прониных. Отец, Петр Игнатьевич, был здесь человеком-легендой и одновременно пугалом для пьяниц. Механизатор первого класса, тракторист от Бога. Его ДТ-75 знал каждый клочок колхозной земли на десятки километров вокруг. Говорил Петр Игнатьевич мало, рублеными фразами, будто гайки затягивал. Лицо у него было темное, задубевшее на солнце и ветрах, испещренное глубокими морщинами, а руки напоминали старые разводные ключи — огромные, покрытые мазутной чернотой, которую не брало никакое хозяйственное мыло. Власть в доме держалась на нем. Если отец сказал «нет» — это значило, что фундамент мироздания дал трещину, и спорить с ним бесполезнее, чем плевать против ветра. Он любил сына той скупой, тяжелой любовью, которая выражается не в объятиях, а в молчаливом присутствии рядом, в обученном ремеслу и в твердой руке на плече перед уходом в армию или на большую дорогу.

Мать, Вера Тимофеевна, была полной противоположностью мужу. Маленькая, сухонькая женщина с вечно опущенными плечами, она двигалась по дому бесшумно, как монастырская послушница. Углы их избы всегда были темными от намоленных икон. Красный угол сиял тусклым золотом старого оклада Николая Чудотворца, перед которым день и ночь тлела синяя лампадка. Вера Тимофеевна верила истово, до самозабвения. Для нее любая жизненная трудность была либо наказанием Господним за грехи, либо испытанием веры. Она редко повышала голос, но ее тихий шепот молитвы действовал на домашних сильнее отцовского ремня. Она знала цену хлебу, добытому потом, и цену слезам, пролитым в темноте спальни, чтобы никто не видел женской слабости.

Между этими двумя тектоническими плитами — гранитной глыбой отца и зыбкой верой матери — рос Илья. Ему недавно исполнилось двадцать четыре года, но выглядел он моложе. Был он долговязым, нескладным, с длинными руками, которые вечно не знал куда деть. В отличие от сверстников, гонявших мяч у клуба или крутивших девчонкам сигарки за сельмагом, Илья предпочитал одиночество. У него была своя мастерская — холодный предбанник, где вместо запаха березовых веников стоял терпкий дух ивовой коры.

Илья плел корзины. Это занятие казалось односельчанам блажью. Зачем плести, если в сельмаге продают отличные эмалированные ведра? Но Илья плел не ради выгоды. Он искал ритм. Когда гибкий ивовый прут ложился в его пальцах, подчиняясь плавному, математически выверенному изгибу, шумный, грубый и несправедливый внешний мир отступал. Корзина получалась живой: прочная основа-крестовина (клетка) давала ей скелет, а тонкие ленты — дыхание. Илья разговаривал со своими изделиями. Он мог часами сидеть на чурбаке, монотонно сгибая прутья, пока закатное солнце не окрашивало пыльные окна предбанника в багровый цвет.

Однако весь этот серый, ритмичный быт Ильи имел свой центр тяжести, свое слепящее солнце. Этим солнцем была Алина. Младшая сестра, восемнадцать лет. Разница в возрасте делала их отношения особенными: для села Илья был взрослым мужиком, почти женихом, а Алина — вчерашней школьницей, но дома они были единым целым.

Алина была соткана из совершенно иного материала. Если Илья состоял из серой пыли, машинного масла и древесной стружки, то сестра казалась сделанной из жидкого меда, звона мониаста и смеха. Невысокая, ладная, с тугой пшеничной косой толщиной в руку и глазами цвета июльского василькового поля. Она ничего не смыслила в технике, пугалась трактора отца и считала церковные свечи просто красивыми огоньками, но зато понимала язык птиц и умела находить землянику там, где другие видели лишь сухие листья.

Их союз скрепляла общая мечта, хрупкая и дерзкая для Выселок — уехать. Не просто в райцентр на заработки, как делали многие, а далеко, в областной город. Поступить в сельскохозяйственную академию. Илья должен был пойти на агронома — он чувствовал землю кожей, понимал, когда пора сеять без всяких календарей. Алине же мечталось стать биологом-селекционером. Она приносила домой заморские семена из ярких глянцевых пакетов, которые выписывала по почте, пыталась прививать яблоню к рябине и вела толстый дневник наблюдений за муравейником за баней.

— Вот накопим, Илюш, — шептала она вечером, сидя у него в предбаннике и помогая очищать прутья от коры (работа грязная, нудная, которой брезговали даже взрослые). — Первым делом купим тебе куртку кожаную. Чтоб как у городского инженера. А то ходишь, как леший, рукава все в смоле.

— Отстань, — беззлобно бурчал Илья, хотя внутри теплело.

— Нет, правда! И часы наручные. Электронные. Будешь приходить на пару минута в минуту. А я... я туфли куплю. На каблуке! Высоченном! И буду ходить, цок-цок-цок по асфальту, чтоб все оглядывались.

Она вскакивала и начинала кружиться по тесному предбаннику, смешно семеня босыми ногами и размахивая руками, изображая ветер. Свет единственной лампочки под потолком ловил золотую пыльцу, висящую в воздухе, и оседал на волосах Алины, превращая ее в ангела местного разлива. Илья смотрел на нее, шурился и улыбался краем рта. Ради этих моментов стоило терпеть тяжелый взгляд отца и бесконечное перебирание четок матери.

Петр Игнатьевич мечту детей воспринимал как личное оскорбление.

— Куда собрались? — гремел он за ужином, ударяя алюминиевой ложкой по столу так, что борщ выплескивался. — Академию им подавай! Я вот без академий всю жизнь людей кормлю. Земля — она дураков не любит. Ей руки нужны, а не ваши книжки картонные. Закопаетесь в своих бумажках, сопляки.

— Петя, ну чего ты на них, — мягко вступалась мать, промокая губы фартуком. — Пусть едут. Чай, не на панель. Ученые люди тоже хлеб едят.

— Молчи, Верка! — обрывал отец, и ложка снова падала на стол. — Распустила парня. Корзинки плетет, бабье дело. Мужик должен быть твердым. Как свая. А он у тебя кисель. Растрясусь!

«Растряску» означало, что завтра в пять утра Илья поедет с отцом на дальний покос чинить грабли, будет стоять по колено в росе, таскать тяжеленную сталь и слушать матерок родителя. Но Илья не роптал. Любая работа с отцом приближала его к праву называться мужчиной, а значит — давало право защищать Алину.

Сегодняшний вечер выдался особенно тяжелым из-за неба. Ужинали в молчании. Густой пар поднимался над чугуном с картошкой. За окном стало совсем темно, хотя до заката было еще далеко. Туча наконец-то доползла до зенита и зависла прямо над селом, перекрыв остатки света. Казалось, дом накрыли перевернутым медным тазом.

Первой тишину нарушила Алина.

— Мне страшно, — тихо сказала она, перестав греметь вилкой.

— Грозы испугалась, пигалица? — хмыкнул отец, отправляя в рот кусок сала. — Громоотвод на трубу прошлым летом ставили, нечего бояться. Спичку лучше подай, печь растопить надо, сыро.

— Не в грозе дело, — Алина поежилась, обхватывая себя за плечи. — Давит. Прямо на макушку давит. Будто плита бетонная сверху опустилась.

Илья отложил недочищенный ивовый прут. Он почувствовал то же самое еще час назад, когда выходил до ветру. Воздух перестал быть просто воздухом. Он стал густой взвесью, каждая капля которой весила тонну. Уши заложило ватой, и собственный пульс отдавался в висках глухими барабанами. Собака Бурьян во дворе, обычно ленивый старый кобель, вдруг заполз глубоко в свою конуру и оттуда жалобно, по-щенячьи заскулил.

— Сказок начиталась, — отрезал Петр Игнатьевич, но ложку положил. Достал кисет, начал сворачивать самокрутку дрожащими пальцами. Табак сыпался на клеенку. — Руки ходунном ходят. Перепады давления. Магнитные бури эти ваши. По радио передавали.

Вера Тимофеевна тяжело поднялась. Подошла к иконам, трижды перекрестилась на черный лик Спасителя.

— Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его, — зашептала она, касаясь лбом холодного стекла киота. — Укрой нас кровом крыл Твоих...

Ее молитва звучала не просительно, а требовательно. Мать торговалась с небом.

Внезапно за окном коротко вспыхнуло. Свет неестественный, мертвенно-белый, лишенный тепла. Он не осветил комнату плавно, как делает это лампа, а ударил резко, хирургическим скальпелем прорезав пространство. На мгновение лица сидящих за столом превратились в гипсовые маски: черные провалы глазниц, острые носы, бескровные губы.

И сразу же, без малейшего зазора, грянул гром.

Это был не привычный рокот колес телеги. Дом вздрогнул до самого фундамента. Звук был физическим ударом, звуковой волной, которая выбила воздух из легких. Зазвенели стаканы в буфете. Со стены сорвалась дешевая репродукция картины «Утро в сосновом лесу», стекло рассыпалось по полу мелкими кубиками. Бурьян во дворе взвыл дурным голосом.

Алина вскрикнула и закрыла лицо руками. Илья оказался рядом быстрее мысли. Он не думал, тело само среагировало. Он шагнул к сестре, заслоняя ее своим плечом от окна, готовый принять на себя любую следующую молнию.

— Тише, Линка, тише, — пробормотал он ей в макушку, чувствуя запах ее волос — ромашки и простого детского мыла. — Это просто Иван Грозный на колеснице едет. Помнишь сказку?

— Дурак, какой Иван, мне дышать нечем! — выдохнула она ему в грудь, вцепившись пальцами в пропахшую соляжкой рубашку.

Отец медленно встал из-за стола. Опрокинувшаяся табуретка осталась лежать на боку. Петр Игнатьевич подошел к окну, уперся широкими ладонями в подоконник и уставился во тьму.

— К ручью пошло, — произнес он сквозь зубы, кивнув куда-то вправо. — Видел отблеск? Там, за старой мельницей. Сухостой загорится — не остановишь. Надо будить Митрича, пусть помпы готовит.

Он говорил о пожаре, об урожае, о скотине, спасаясь работой от первобытного ужаса стихии. Мужчина строил баррикады из бытовых дел.

Новая вспышка распорол небо уже ближе. На этот раз Илья успел заметить форму разряда. Это была не прямая игла, а гигантское дерево с голубой кроной, корни которого уходили куда-то за горизонт, а ствол бил точно в старую водонапорную башню на окраине Выселок. Башня стояла заброшенной со времен укрупнения хозяйств, ржавая, никому не нужная. Сейчас она вспыхнула изнутри призрачным светом.

Гром догнал свет спустя секунду, но звук пришел искаженным, долго катящимся по долине эхом.

Свет мигнул и погас. Электричество село не выдержало удара по линии. Изба погрузилась в абсолютный, осязаемый мрак. Только красный огонек лампадки теплился в углу, бросая на потолок пляшущие тени святых, которые теперь казались демонами.

— Керосин, — скомандовал отец невидимым в темноте людям. — Илья, в сених, верхняя полка. Живо.

Илья отпустил плечи сестры. Сделал два шага в сторону двери на ощупь. Пол под ногами качался, как палуба корабля. Мир потерял свои границы. Стены исчезли. Остались только запах страха (кислый, похожий на пережженную шерсть), звук тяжелого дыхания родителей и тепло Алины где-то позади.

Он нашел крынку с керосином наощупь, схватил бутыль. Пальцы наткнулись на что-то липкое — он пролил немного на руку. Резкий запах мгновенно забил нос. Возвращаясь, Илья споткнулся о ту самую опрокинутую табуретку. Нелепо взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие в кромешной тьме, и рухнул прямо на колени. Бутыль вылетела из рук, звонко ударилась об пол, но чудом не разбилась, откатившись под лавку.

— Да что ж ты косорукий такой! — рявкнул отец, зажигая первую спичку.

Огонек чиркнул о коробок, осветив щетинистый подбородок Петра Игнатьевича. Лицо отца в этом свете показалось Илье страшной маской древнего идола.

Лампадка разгорелась ярче, затем зажгли семилинейную керосиновую лампу. Желтый, коптящий свет вырвал из темноты углы комнаты. Страх немного отступил, сменившись тревогой.

Дождь начался внезапно. Сначала редкие, тяжелые капли забарабанили по железной крыше, словно кто-то швырял горсти гравия. Затем шум превратился в сплошной рев. Вода неслась по желобам водопадом.

Ужина больше не было. Семья сидела при лампе. Отец чистил ружье — старая двустволка двенадцатого калибра, доставшаяся от деда. Он делал это механически, протирая стволы масляной тряпкой. Ритуал мужчины перед лицом опасности.

Мать читала Псалтирь вслух, монотонно, раскачиваясь всем телом. Ее голос сливался с шумом ливня, создавая жуткую, погребальную мелодию.

«Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится...»

Алина сидела на сундуке, подтянув колени к груди. Косу она расплела, и влажные от пота пшеничные пряди прилипли к бледным щекам. Она смотрела не на икону и не на отца. Она смотрела на брата.

Илья сидел на полу, прислонившись спиной к теплой печке-голландке. Он взял новый ивовый прут. В мерцающем свете керосинки его руки работали сами по себе. Пальцы гнули влажное дерево. *Раз-два*. Обмотка вокруг основы. *Три-четыре*. Затяжка узла. Монотонный, успокаивающий ритм. Он плел защиту. Тонкую, абсолютно бесполезную корзину размером

с ладонь, вкладывая в каждый виток одну мысль: «Только бы пронесло. Только бы не в наш двор».

За стенами дома творилось нечто невообразимое. Шквалистый ветер выл в трубе голодным зверем. Где-то со звоном вылетело стекло веранды. Скрипели старые вязы, сопротивляясь напору.

Илья закончил плетение. Получилась маленькая, кривоватая звездочка. Он посмотрел на нее, потом перевел взгляд на окно. Ставни начали тихонько поскрипывать, петли едва держали удары ветра.

Вдруг налетел такой порыв, что лампа опасно качнулась, грозясь опрокинуться. Огонь затанцевал, тени на стенах сошли с ума, запрыгали, вырастая до потолка.

И в этой безумной пляске теней, за секунду до того, как очередной разряд молнии залил весь мир снаружи мертвенной синевой, Илья встретился взглядом с сестрой.

Алина смотрела на него без детской наивности. В ее огромных глазах плескался чистый, неразбавленный ужас понимания. Она видела не старшего брата, который сидит на полу и плетет лапти. Она видела единственную преграду между ней и этим рвущимся с цепи небом. Вся ее вера, вся надежда этого маленького мира сконцентрировалась в сутулой фигуре Ильи. Если небеса решат рухнуть именно сюда, он попытается удержать их голыми руками.

Илья понял этот взгляд. Понял так ясно, будто сестра крикнула ему это в ухо. Весь остальной мир — ворчащий отец, бормочущая мать, рушащиеся нормы бытия — перестал существовать. Осталась только эта комната, желтый круг света на столе и глаза Алины.

Он спрятал незаконченную звездочку в карман штанов, медленно поднялся и подошел к сестре. Сел рядом на жесткий сундук, вытянув длинные ноги.

— Сюда не попадет, — сказал он вполголоса, перекрывая шум дождя. — Крыша железная, заземлена. Физика, Лин. Наука.

Он врал. Никакой науки тут не было. Была только отчаянная, иррациональная уверенность человека, взявшего на себя роль бога собственного крошечного пантеона. Он положил свою широкую, грубую ладонь поверх ее сцепленных на коленях пальцев. Ладонь была горячей, почти обжигающей.

Алина не убрала руку. Она лишь прикрыла веки. Ресницы ее дрогнули, и по щеке скатилась одна-единственная слеза, теряясь в капельках дождевой воды, которые Илья принес на своей куртке с улицы.

Гроза бушевала еще три часа. Три часа адской музыки, состоящей из треска разрываемого воздуха, гула потоков воды и басового рева грома. Семья Прониных встретила рассвет сидя в одной комнате. Никто не сомкнул глаз. Когда первые лучи солнца робко окрасили край разорванной черной тучи в нежно-розовый цвет, дождь начал стихать.

Мир за окном был вымыт дочиста. Пахло свежестью, мокрым лопухом и озоном. Опасность миновала.

Петр Игнатьевич тяжело вздохнул, захлопнул чехол ружья и поднялся.

— Пойду глядеть, что урон нанесла, — буркнул он. — Митрич говорит, сарай Сидоровых сложило.

Жизнь возвращалась в свою колею. Нужно было чинить, сушить, считать убытки. Обыденность — лучшее лекарство от страха.

Вера Тимофеевна загасила лампу пальцами, сняла нагар и перекрестилась уже спокойно, с благодарностью. День наступил. Можно жить дальше.

Илья остался сидеть на сундуке. Он смотрел на свои ладони. В неверном утреннем свете кожа казалась серой. Кончики пальцев слегка подрагивали. В кармане лежала кривая ивовая звездочка.

Алина спала, положив голову ему на плечо. Во сне она чему-то улыбалась. Возможно, ей снились те самые туфли на высоком каблуке, цокающие по гладкому асфальту большого

города. Город, где нет таких тяжелых, свинцовых небес. Город, где электричество никогда не гаснет, потому что провода надежно спрятаны глубоко под землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.